

Юй Цинтан недооценила популярность Чэн Мо. Возможно, она выбрала неподходящее время: за неделю до окончания выставки многие, как и она, боялись пропустить и спешили прийти. Взглянув вокруг, она увидела, что перед каждой картиной в зале стояли люди, внимательно рассматривающие их. К счастью, в зале было тихо, даже если кто-то разговаривал, это делалось шёпотом, не нарушая спокойствия.

Юй Цинтан начала осматривать картины от входа, переходя к следующей, когда предыдущий зритель уходил.

Примерно на четвёртой или пятой картине она уже почти закончила рассматривать текущую, но человек рядом с ней всё не уходил. Она терпеливо подождала ещё немного, но тот всё стоял на месте.

Юй Цинтан не выдержала и повернула голову, чтобы посмотреть.

Человек стоял, скрестив руки, одной рукой подпирая подбородок, внимательно изучая картину перед собой.

Но это было не главное. Главное было то, что этим человеком оказалась Чэн Чжаньси, с которой они расстались всего полчаса назад.

Юй Цинтан:

— !!!

Разве она не уехала домой???

Чэн Чжаньси, почувствовав взгляд, нахмурилась и обернулась. Увидев Юй Цинтан, она удивилась и воскликнула:

— Учитель Юй? Ты же уехала домой?

Они естественным образом встали перед одной и той же картиной, на расстоянии друг от друга, которое Юй Цинтан считала безопасным для общения.

Чэн Чжаньси стояла чуть поодаль, слегка наклонив голову, и, глядя на профиль Юй Цинтан, тихо спросила:

— Тебе нравятся картины Чэн Мо?

Юй Цинтан, не отводя взгляда от картины, спокойно ответила:

— Просто смотрю.

Чэн Чжаньси тихо «Мм» и замолчала, давая ей возможность спокойно насладиться искусством.

Перед ними висела картина под названием «Кошка, сидящая на часах» — одна из самых известных работ Чэн Мо, которая отличалась ярким авторским стилем. Во время выставки в Венеции кто-то предлагал купить её за огромную сумму, но Чэн Чжаньси отказалась.

На картине не было чётких форм или сюжета, только линии и размытые цветовые пятна, пропорции были нарушены, изображение искажено и преувеличено, создавая причудливую и загадочную атмосферу. Такую картину нельзя было смотреть поверхностно — нужно было вглядываться в детали, чтобы понять, что она хочет передать.

Юй Цинтан смотрела на неё всего три минуты, затем перешла к следующей.

Чэн Чжаньси моргнула: неужели ей не понравилось?

Следующие две картины Юй Цинтан осмотрела ещё быстрее, потратив на них всего три минуты.

Чэн Чжаньси:

— ...

Если бы это был кто-то другой, кто так поверхностно относился к её работам, Чэн Чжаньси, возможно, вежливо попросила бы его покинуть зал.

На самом деле, она уже делала такое.

Её первая выставка состоялась в галерее в Париже. Первый раз всегда особенный, даже если она не показывала своего лица и никто не знал, как она выглядит, она сделала небольшой маскарад и с нетерпением отправилась на выставку. В первый же день, во второй половине дня, она столкнулась с человеком, который абсолютно не разбирался в искусстве и, указывая на её картины, говорил своей спутнице полную ерунду.

Чэн Чжаньси связалась с сотрудниками выставки, объяснила ситуацию, и они вежливо попросили того человека покинуть галерею.

Перед картиной «Кошка, сидящая на часах» снова остановились две девушки, похожие на студентов.

Одна из них, в жёлтом, бегло взглянула на картину и сказала:

— Что это за ерунда?

Она не сдерживала голос, и её слова прозвучали громко в тишине зала. Многие обернулись, нахмурившись, молча выражая недовольство.

В любом месте найдётся тот, кто испортит настроение.

Девушка в жёлтом замолчала, делая вид, что просто рассматривает картину.

Остальные отвернулись.

Чэн и Юй находились недалеко от девушек и услышали, как одна из них, в длинном платье, мягко сказала:

— Не говори глупостей, это искусство.

Девушка в жёлтом усмехнулась:

— Если пара мазков — это искусство, то я тоже так могу.

На этот раз она говорила тише, и только несколько человек рядом услышали. Они покачали головой и отошли подальше.

Девушка в платье, кажется, начала раздражаться:

— Ты можешь рисовать, но кто купит твои работы? Ты думаешь, что те, кто платят большие деньги, глупее тебя? Они разбираются лучше.

Девушка в жёлтом с видом «весь мир сошёл с ума, а я одна в здравом уме» пренебрежительно сказала:

— Вот именно, современное искусство — это всего лишь маркетинг. Большинство людей не понимают эти картины, не видят разницы, но если на аукционе за них заплатят огромные деньги, они станут знаменитыми. Кто знает, понимают ли они сами, что это такое? Главное — чтобы все думали, что это что-то невероятное. Это как с историей маркетинга алмазов.

Юй Цинтан невольно нахмурилась, желая обернуться и посмотреть, кто это так глупо рассуждает.

Но тут она услышала насмешливый смешок.

Юй Цинтан посмотрела на Чэн Чжаньси.

Та с явным презрением в голосе сказала:

— Всегда найдутся такие самоуверенные глупцы.

Она обычно была мягкой и редко высказывала столь субъективные мнения, но сейчас в ней появилась некая резкость, словно она стала более острой и независимой.

— Рисовать может каждый, кто умеет держать кисть, поэтому у них возникает иллюзия, что они могут сделать то же самое. Некоторые говорят, что абстрактные картины Пикассо они могут нарисовать ногой, но когда они видят его работу «Этюд гипсовой головы», написанную им в 13 лет...

Юй Цинтан смотрела на неё в замешательстве.

Чэн Чжаньси остановилась, сгладила свои острые углы и, извиняясь, сказала:

— Прости.

Юй Цинтан:

— Ничего страшного.

Затем она отвела взгляд.

Юй Цинтан продолжала осматривать картины с той же скоростью, а Чэн Чжаньси просто наблюдала за ней, пока та не остановилась перед одной из картин, написанной яркими красками, и долго смотрела на неё.

Эта картина была написана Чэн Чжаньси после переезда в Сычэн, вдохновлённая поездкой на поезде, который прибыл весной. Цвета были насыщенными, страстными.

Чэн Чжаньси, кажется, что-то поняла и с лёгкой улыбкой спросила:

— Как тебе эта?

Юй Цинтан с невозмутимым выражением лица ответила:

— Пестро.

Чэн Чжаньси:

— ...

Юй Цинтан не сказала вслух, но ей нравилась эта пестрота, словно июньское солнце. Стоя перед картиной, она чувствовала, как художник передает свою любовь к жизни.

Этого ей самой не хватало, поэтому она любила такие работы.

Как и тогда, когда она увидела Чэн Чжаньси, стоящую у входа в бар, облокотившуюся на байк.

Черты лица Юй Цинтан внезапно смягчились, и она спокойно стояла перед картиной, не уходя.

Чэн Чжаньси, которая сначала немного расстроилась, увидев её выражение, успокоилась. Пусть даже картина была пестрой, если она приносила Юй Цинтан радость, это уже было хорошо.

Одновременно она поняла, что Юй Цинтан действительно не разбирается в искусстве. Её уровень понимания оставался на уровне детского сада, и её привлекали только яркие цвета.

Чэн Чжаньси почувствовала смесь жалости и нежности, глядя на неё мягким взглядом.

Чэн Чжаньси наклонилась к уху Юй Цинтан и шепотом сказала:

— Учитель Юй, я схожу в туалет.

Юй Цинтан отвернулась и кивнула.

Чэн Чжаньси ушла надолго. Юй Цинтан уже осмотрела все картины в зале и собиралась отправить ей сообщение, как та появилась у входа. На ней было кобальтово-синее платье с поясом, а её красивые длинные вьющиеся волосы ниспадали на спину. Свет в зале подчёркивал её нежную кожу, и она шла грациозно и легко.

Почти все в зале невольно обратили на неё внимание, следя за её движениями.

Юй Цинтан снова подумала про себя:

Учитель Чэн, когда говорит и когда молчит, — это два разных человека.

Маленькая сценка:

Чэн Чжаньси: Если я буду говорить достаточно быстро, вопросы не успеют меня догнать.

Юй Цинтан: Надеюсь, в реальной жизни твоя речь будет такой же быстрой.

Чэн Чжаньси: Я не только быстрая, но и гибкая, так что не плачь, когда попросишь остановиться.

Юй Цинтан: (*ω□*)